

94:286.12](470+571)-054.62«1914/1918»

И. Дик

Боннская библейская семинария и Свободный университет Амстердама

ПЕРЕД РАЗВОРОТОМ В БЕЗМОЛВИЕ: ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕННОНИТОВ РОССИИ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Описано вплив Першої світової війни на ідентичність менонітів у Росії в конфесійному та етнічному плані, а також процеси консолідації ідентифікаційного поля.

Ключові слова: меноніти, ідентичність, Перша світова війна.

Описывается влияние Первой мировой войны на идентичность меннонитов в России в конфессиональном и этническом плане, а также процессы консолидации идентификационного поля.

Ключевые слова: меннониты, идентичность, Первая мировая война.

Beschrieben werden der Einfluss des Ersten Weltkrieges auf die Mennoniten Russlands in konfessioneller und ethnischer Hinsicht sowie Konsolidierungsprozesse in der Identifikationssphäre.

Schlagwörter: Mennoniten, Identität, Erster Weltkrieg.

Mennonites from their very beginnings were known as *Die StillenimLande* – the quiet in the country. In pre-war Russia, their voice was loud enough but after the war Mennonites became quiet again. The war served as an accelerator of identity changes. The first big change resulted from secularization processes and became evident after Russia declared freedom of conscience in 1905. Those who took distance from faith nevertheless regarded themselves part of the Mennonite ethno-confessional community and became *Kulturmennoniten* – Mennonites by culture. With this, the identity boundaries became even more wide. One more identity process, alongside with secularization, was further diversification of the confessional realm that came into influence of inter-confessional movements like Evangelical Alliance. Only the traditional non-resistance remained the common point of all different kinds of Mennonitism. As result of these processes, even this fundamental aspect of confessional identity was rejected during Civil War by those who joined the *Selbstschutz*. The national component of Mennonite identity also underwent significant changes. Before the war, the Mennonite community was well integrated into the Russian society having been represented even in the Duma. Mennonite identity had a strong patriotic dimension. This was supported by a new wave of historical self-consciousness that arose shortly before the war and was marked by the monumental historical work of P.M. Friesen.

The war marked a crucial change in Mennonite identity. Within a few years, Mennonites completely lost their patriotic feelings and tried to develop a new national identity of Dutch descendants. From the other side, the war promoted a consolidation of Mennonites. Their identity boundaries now were wide enough to integrate all kinds of Mennonites, even former members of *Selbstschutz*. This development made possible creation of country-wide non-confessional organizations like Association of Citizens of Dutch Extraction and All-Russian Mennonite Agricultural Union. This extended identity, strengthened by historical self-consciousness, was transferred to Americas by the emigration of 1920-ies and was destroyed in the Soviet Union during the repression times.

Keywords: mennonites, identity, WorldWarI.

В историографии анабаптистов и меннонитов сложился устойчивый стереотип «StilleimLande» – «безмолвные в стране», восходящий к Псалму 34, 20 в переводе Мартина Лютера. Он нашел применение прежде всего к возникшим в XVI столетии отесненным на периферию общества анабаптистским и меннонитским группам, искавшим толерантного отношения к себе в обмен на отказ от активного участия в общественно-политической жизни и наступательного распространения своей конфессии. Голос меннонитов звучал достаточно громко в публичном пространстве России в последнее десятилетие перед Первой мировой войной; в послевоенное десятилетие, напротив, их голос угас. Перелом произошел в военные годы. Собственный голос, как выражение идентичности, претерпел существенные изменения.

Настоящая работа посвящена условиям, оказавшим влияние на идентичность этноконфессиональной общности меннонитов в переломный период.

Война как акселератор процессов на конфессиональном поле

Принципиальным событием последнего бурного предвоенного десятилетия явился Указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» (апрель 1905 г.), дополненный в октябре 1905 г. манифестом о свободе совести, слова и собраний. Перед гражданами России, которые до этого момента не имели права мыслить себя вне церкви или иного конфессионального сообщества, вдруг открылся простор выбора, включавший в себя среди прочих и безрелигиозный путь.

Свобода к отрицанию религии получила в меннонитском сообществе специфически российскую окраску: возникновение меннонитов по культуре (нем. *Kulturmennoniten*). Пожалуй, самым естественным объяснением этому является процесс секуляризации, который существовал в этой среде и ранее, но благодаря изменившимся внеш-

ним условиям теперь пробился на поверхность. Специфика меннонитской секуляризации состояла в том, что меннониты по культуре не спешили покидать пределы меннонитского сообщества, соглашаясь с его специфической субкультурой и отрицая его религию.

Беньямин Унру называет этот процесс переходом от культового к культурному сообществу и считает в качестве необходимых для этого факторов успешное хозяйственное развитие в сочетании со стабильной системой народного образования [11, с. 55]. Насколько экономика и образование потеснили конфессиональную основу, и какова была динамика этого процесса, говорить трудно. Некоторый материал для оценок дает Адольф Эрт, который недоумевает по поводу расхождения численности меннонитского населения в РСФСР по данным Всероссийского меннонитского сельскохозяйственного общества и церковной статистики. Количество в 44 304 меннонитов по статистике ВМСХ на 1.2.1926 противостоит 34 958 членов общин 1.9.1925 [2, с. 152]. Судя по этим данным, 20,1 % членов меннонитского сообщества РСФСР уже не состояли в церковных общинах. В Украине это соотношение могло быть сходным. В европейском измерении меннониты России повторяли путь своих собратьев северо-западной части Германии, которые столетием ранее, в эпоху наполеоновских войн, под воздействием национального патриотизма настолько интегрировались в общество, что отошли от важнейшего до тех пор меннонитского принципа отказа от оружия [7, с. 177–179].

Меннонитство по культуре еще более осложнило задачу создания некоего эталонного образа, по которому можно было бы выверять маркеры принадлежности по типу «свой-чужой», и который был бы безоговорочно принят всеми, кто считал себя меннонитами.

Предвоенное десятилетие вывело на поверхность также и процессы дальнейшей диверсификации меннонитского конфессионального поля. Полстолетия ранее, в 1860-х гг., братские меннониты отстояли для себя право считаться такими же полноправными меннонитами, как и основной поток. Конечно, попытки сконструировать меннонитский эталон по лекалам численного большинства не прекращались вплоть до 1910 г. [6, с. 541–543], однако само это большинство, обычно именуемое церковными меннонитами, также претерпело значительные изменения. Тот же самый пиетизм, который в 1860 г. привел к обособлению меннонитской братской общины, значительно упрочил свои позиции и в среде большинства. Кроме того, с начала 1880-х гг. и братские, и церковные меннони-

ты оказались в зоне влияния бланкенбургской ветви европейского Евангельского Альянса, которое совмещало пиетизм с движением освящения. Под влиянием идей Альянса небольшое по своим размерам меннонитское конфессиональное поле еще раз было перемешано, в результате чего возник ряд евангельских меннонитских общин, а братские меннониты внезапно сами оказались под угрозой раскола [10, с. 227–228]. Нет нужды объяснять, что каждая из фракций имела собственный образ меннонитского эталона. Объединяющим их элементом было традиционное непротивление.

До Первой мировой войны процессы секуляризации и диверсификации протекали каждый в своем естественном ритме, зачастую определявшимся сменой поколений. Война этот ритм неимоверно ускорила, попутно обнажив самый нерв российской меннонитской конфессиональной идентичности – то самое непротивление, по которому меннонитское сообщество оказалось кардинально разделенным на поборников отказа от оружия, с одной стороны, и участников военного сопротивления, с другой стороны.

Конфессионально ориентированные меннониты российского происхождения в Советском Союзе и за его пределами на протяжении последующих десятилетий очень болезненно воспринимали участие в отрядах самообороны, совершенно не принимая во внимание процессов секуляризации и диверсификации. Удивительно, как отказ от насилия смог удержаться среди атрибутов меннонитской идентичности в атеистическое советское время.

В стране, не знавшей свободы вероисповедания вплоть до начала XX в., религия была неотъемлемой частью культуры. Частью той же культурной идентичности была и этническая принадлежность.

Война и национальная компонента меннонитской идентичности

Упомянутая выше религиозная секуляризация обычно сопровождает процессы интеграции конфессиональных групп в общество большинства. Принимая во внимание меннонитскую вовлеченность в управление вплоть до государственного уровня, включая Государственную Думу, следует сделать вывод, что степень их политической интеграции была достаточно высокой.

Другим фактором, способствовавшим интеграции, был российский патриотизм меннонитов. Его духом дышал известный историк П. М. Фризен и созданная им тысячестраничная «История старо-евангельского меннонитского братства в России», где он пишет:

«Пусть наша жизнь будет свидетельством, что мы любим Бога и Его Церковь и Его человечество, нашего Государя, нашу Родину и наших сограждан горячей, благодарной и действенной любовью!» [6, с. 492]. Канадский исследователь Гарри Лоунк этому добавляет, что «в то время как германский патриотизм практически отсутствовал у меннонитов Пруссии, русский патриотизм среди меннонитской интеллигенции был широко распространен» [8, с. 142]. Формирование российского патриотизма у молодого поколения как неотъемлемой составляющей идентичности имела давнюю традицию [8, с. 142], которая работала и накануне войны.

В предвоенное пятилетие с новой силой заработали механизмы формирования идентичности за счет исторического самосознания. Важной вехой в этом плане был упомянутый выше монументальный труд П.М. Фризена, вышедший в 1911 г. Несколько ранее Давид Эпп опубликовал биографию Корниса [3], за которой последовала история колонии Мемрик [4]. Тот же Эпп в 1911 г. начал дискуссию о преподавании истории в меннонитских школах [5, с. 30]. На волне подъема исторического самосознания Всеобщая конференция меннонитских общин в Нейгальбштаде 6–8 июня 1917 г. приняла предложение Петра Брауна о создании меннонитского архива и учреждении соответствующей комиссии в составе 6 человек [5, с. 31; 9, с. 398]. Первая волна осознанной исторической самоидентификации, поднявшаяся непосредственно перед Первой мировой войной, дала меннонитскому миру целый ряд историков, таких как Давида Ремпеля (1899–1992) и Гергарда Лоренца (1899–1986). Более того, она же определила особое почтительное отношение к собственной истории российской меннонитской диаспоры в Канаде.

Усилившийся интерес к собственной истории дал меннонитам новый аргумент в споре о их роли в начавшейся войне с Германией. Говорившие по-немецки, связанные множеством нитей прежде всего с немецкой культурой, они внезапно обнаружили в себе голландские корни. Абрахам Фризен, который тщательно исследует вопросы войны и меннонитской этнической идентичности [5, с. 271–302], относит первое упоминание голландского аргумента к 29.9.1914, когда его использовали добровольцы, направлявшиеся по линии Красного Креста из Гальбштадта в Москву [5, с. 215]. Он же называет Гальбштадт местом вероятного возникновения этого аргумента, а его автором – Генриха и/или Петра Брауна [5, с. 215].

Голландский аргумент имел долгую жизнь. В годы Первой мировой войны его использовали меннониты при попытках выйти из-под сферы действия ликвидационных законов (напомним, что их первый вариант был внесен в Думу 9.10.1914 и введен в действие, будучи подписан императором Николаем II 2.2.1915 [5, с. 217]). В 1922 г. он убедил комиссара внутренних дел Украины Скрышника дать разрешение на легализацию Союза граждан голландского происхождения [9, с. 104]. Наконец, после окончания Второй мировой войны все тот же аргумент открыл двери меннонитским беженцам, скопившимся на германо-нидерландской границе, в Нидерланды [13]. Полвека спустя он нашел отражение даже в советском религиозоведении, где, впрочем, был оспорен [1, с. 14–21].

Аргумент голландского происхождения не смог восполнить для меннонитов того, что они потеряли во время военного времени, включившего в себя и Гражданскую войну – положительную самоидентификацию с Россией и затем с Советским Союзом. Антинемецкие настроения, ликвидационные законы, экспроприация собственности и земли в революцию, человеческие потери от бандитизма, непринятие коммунистической идеологии, и, в довершение ко всему, государственный атеизм окончательно подорвали российские патриотические чувства меннонитов. Атрибутом их идентичности стало неприятие сообщества, в котором они жили. Итогом стала эмиграция, начавшаяся в 1920-е и завершившаяся в 1990-е гг.

Война и консолидация в пределах меннонитской идентичности

Провозглашение свободы вероисповедания в 1905 г. естественным образом повлекло за собой изменения в религиозном законодательстве империи. Для сектантов типа русских баптистов, которые во многом были продуктом миссионерской деятельности братских меннонитов, оно принесло значительные облегчения. С другой стороны, законопроект МВД определял тот же статус сектантов и для меннонитов [6, с. 528]. Последние, видевшие в российских реформах всех времен элементы сокращения первоначальных меннонитских привилегий [6, с. 527], почувствовали опасность для своих общин.

Внешняя угроза на конфессиональном поле послужила началом консолидации меннонитов. Впервые после многих десятилетий 7.2.1908 представители всех молочанских меннонитских общин, включая братские и евангельские, собрались вместе, чтобы обсу-

дить упомянутый законопроект. За этим последовали дальнейшие консультации и сотрудничество.

В ходе начавшейся консолидации 27–28.10.2910 в Шензее Бердянского уезда состоялась Всеобщая меннонитская конференция. Две трети ее участников были делегированы меннонитскими общинами. Оставшаяся треть были делегатами от братских меннонитов, получивших официальный мандат своих общин. Их участие в совместной конференции было большим новшеством. Присутствовали на конференции и представители МВД; оно же и выдало разрешение на ее проведение. Конференция приняла целый ряд совместных документов, касавшихся положения меннонитской конфессии в стране [6, с. 540–547]. Доверие между отдельными частями диверсифицированной конфессиональной общности начало расти.

Бедствия Первой мировой войны послужили катализатором меннонитской консолидации. Если до войны, в 1910 г., она распространилась только на вопросы конфессионального плана, то Всеобщая конференция меннонитских общин России 6–8.6.1917 в Нейгальбштаде оказалась готовой обсуждать вопросы, выходявшие далеко за пределы конфессионального круга. В частности, она рекомендовала создание гражданской организации меннонитов России [9, с. 396–404].

Дальнейшая послевоенная консолидация меннонитского сообщества происходила в намеченном в 1917 г. направлении. Меннонитская идентичность смогла вместить в себя и отошедших от веры в виде секуляризации, и отступивших от веры и взявших в руки оружие участников отрядов самообороны и других военных формирований, и общение с немнонитскими конфессиями.

Только поставленная на расширенную основу меннонитская идентичность смогла стать базой для таких крупных организаций как Союз граждан голландского происхождения и Всероссийское меннонитское сельскохозяйственное общество. Первое представляло в 1922–1926 гг. интересы до 60 тыс. меннонитов Украины и занималось не только экономическими вопросами, но и политическими, в т.ч. организацией эмиграции из СССР [14]. Второе также было массовой организацией, выражавшей потребности 44 тыс. человек [12]. Таким образом, членом меннонитского сообщества мог считать себя каждый меннонит страны как член меннонитской общины, так и меннонит по культуре.

Процессы в сфере меннонитской идентичности, начавшиеся в период общественных преобразований в Российской Империи в на-

чале XIX в. и ставших объектом акселерации в период Первой мировой войны, оказали существенное влияние на меннонитское общество и объясняют усиление этноконфессиональности меннонитства.

Библиографические ссылки

1. *Ипатов А. Н.* Меннониты: Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности / А. Н. Ипатов. – М. Изд-во : Мысль, 1978.
2. *Ehrt Adolf.* Das Mennonitentum in Russland von seiner Einwanderung bis zur Gegenwart / A. Ehrt. – Langensalza: JuliusBeltz, 1932.
3. *Epp, David H.* Johann Cornies : Züge aus seinem Leben und Wirken / Epp, David H. – Berdjansk : Der Botschafter, 1909.
4. *Epp, David H.* Die Memriker Ansiedlung: Zum 25-jährigen Bestehen derselben im Herbst 1910 / Epp, David H. – Berdjansk : Ediger & Co., 1910.
5. *Friesen Abraham.* In Defence of Privilege : Russian Mennonites and the State Before and During World War I / Friesen Abraham. – Winnipeg: Kindred, 2006.
6. *Friesen P. M.* Die Alt-Evangelische Mennonitische Bruderschaft in Russland (1789–1910) im Rahmen der mennonitischen Gesamtgeschichte/ P. M. Friesen. – Halbstadt : Raduga, 1911.
7. *Lichdi Dieter Götz.* Die Mennoniten in Geschichte und Gegenwart : Von der Täuferbewegung zur weltweiten Freikirche. 2. Aufl. (Agape, 2004).
8. *Loewen Harry.* «The German-Russian Tensions among the Mennonites in Russia (1789-1917)» in: P.M. Friesen & his History : Understanding Mennonite Brethren Beginnings. Abraham Friesen, ed. (Winnipeg: Christian Press, 1979), 133–152.
9. Selected Documents : The Mennonites in Russia from 1917 to 1930. John B. Toews, ed. (Winnipeg: Christian Press, 1975).
10. *Unruh A. P.* Die Geschichte der Mennoniten-Bruedergemeinde 1860 – 1954 / A. P. Unruh. – Hillsboro KS : Fürsorgekomitee der Generalkonferenz von Nord-Amerika, 1955.
11. *Unruh Heinrich B.* Fügungen und Führungen : Benjamin Heinrich Unruh (1881 – 1959) : Ein Leben im Geiste christlicher Humanität und im Dienste der Nächstenliebe (Detmold: Verein zur Erforschung und Pflege des Russlanddeutschen Mennonitentums, 2009).
12. http://gameo.org/index.php?title=Allrussischer_Mennonitischer_Landwirtschaftlicher_Verein (access 03.06.2014)
13. <http://gameo.org/index.php?title=Refugees> (access 03.06.2014)
14. http://gameo.org/index.php?title=Verband_der_B%C3%BCrger_holl%C3%A4ndischer_Herkunft (access 03.06.2014)

Надійшла до редколегії 04.06.2014